

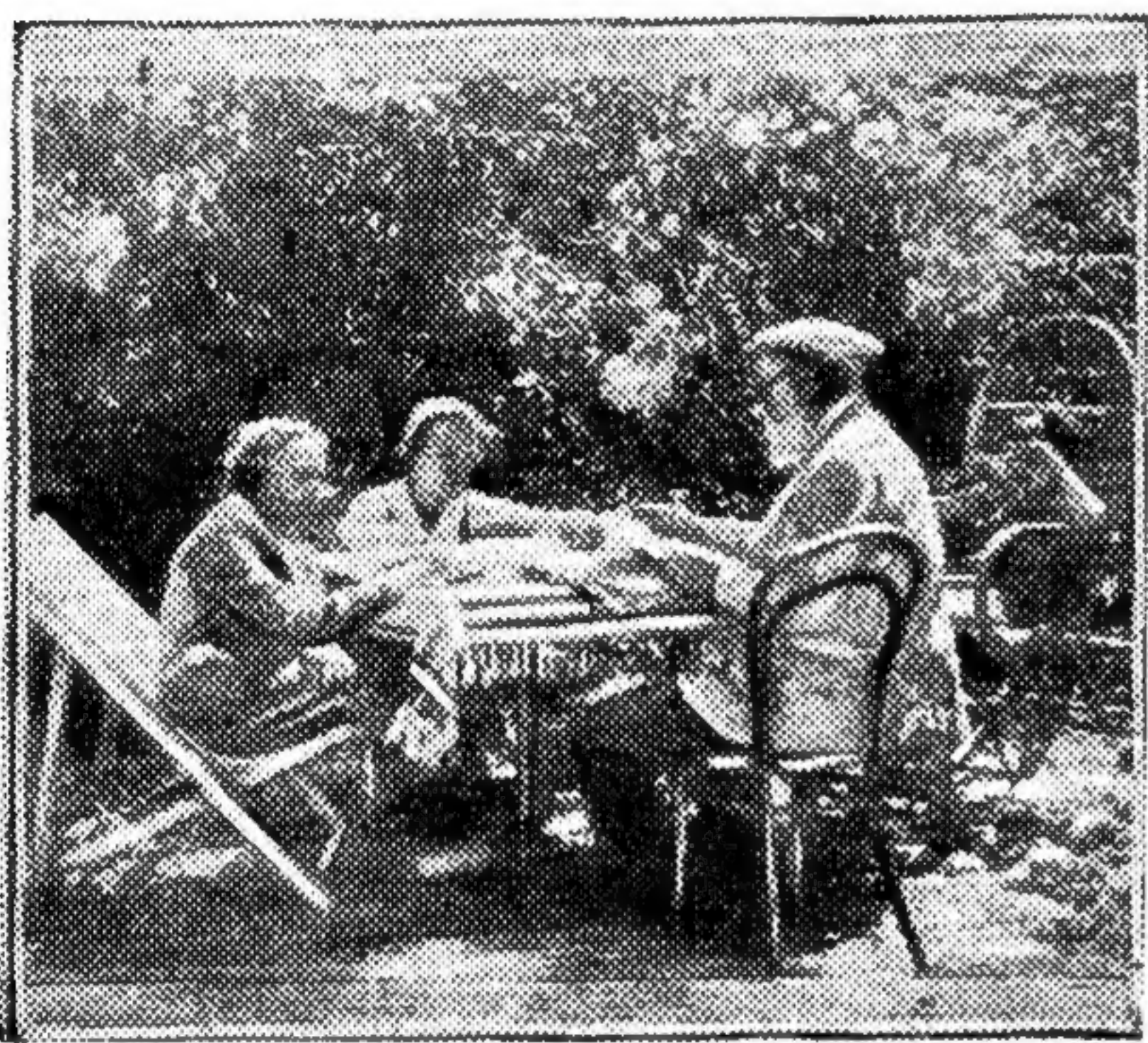
Семья Заломовых

...В 1902 году во главе первомайской демонстрации в Сормове, под пулями царских жандармов, Петр Заломов нес красное знамя. На знамени были написаны бесстрашные слова: «Долой самодержавие». Полиция жестоко расправилась с демонстрантами. Петр Заломов был зверски избит забоевскими опричниками, брошен в тюрьму, судим и сослан в ссылку на вечное поселение.

Рассказ Петра Заломова о демонстрации, о себе и о своей матери Анне Кирилловне послужил Горькому материалом для написания всемирно известной повести «Мать». (В повести Петр Заломов назван Павлом Власовым).

На снимке: Петр Андреевич Заломов. В настоящее время он живет в г. Судже. Получает персональную пенсию от правительства. Снимок сделан в июне 1937 года для кинофильма «Семья Заломовых».

О своих встречах с великим писателем пролетариата Алексеем Максимовичем Горьким Петр Андреевич написал воспоминания для книги «Семья Заломовых».

На снимке: Семья Петра Андреевича: товарищ по подполью, жена его Жозефина Эдуардовна Гашер и старшая дочь.

Петр Андреевич Заломов читает жене и дочери новые отрывки своих воспоминаний.

Великая семья Заломовых, потомственных пролетариев, большевиков-подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, пионеров. По воле Советского Союза разбросаны внуки и правнуки Анны Кирилловны. Сама она живет сейчас у своей дочери в городе Горьком.

На снимке: Петр Заломов, его мать Анна Кирилловна и ее внук Петр Денисов едут по улицам г. Горького на собственной машине.

«Кругом я в своем народе, — любит повторять Анна Кирилловна, — куда ни поеду, везде у меня сыновья, дочери, внуки да правнуки. И в Москве, и в Баку, и в Томске, и на Камчатке».

На снимке: Анна Кирилловна на первомайской демонстрации. Сормовичи окружили ее. Ее знают, любят и ценят в городе Горьком. Участники революционных событий 1902—1905 гг. движутся по светлым улицам нового города Красного Сормова. Живые герои, живые прообразы бессмертной повести Горького «Мать».

П. ЗАЛОМОВ

Мои встречи с Максимом Горьким

Я давно полюбил Максима Горького за его честную, пламенную, пролетарскую душу, за то, что он являлся великим пролетарским писателем, за пылающее сердце Данко, за «Песню о соколе».

Алексей Максимович Горький слышал обо мне еще до сормовской демонстрации 1902 года, хотел со мной познакомиться, но я был на плохом счету у полиции и мог ему повредить; я боялся навредить на него еще большую ненависть полиции, которая видела в Горьком опаснейшего врага самодержавия.

Когда меня арестовали на сормовской демонстрации 1 мая 1902 г., Горький оказал мне большое внимание. Он ежедневно посылал с моей матерью мне в тюрьму обед и незадолго до суда велел передать всем нам, чтобы мы не пугались царских судей, обещал свою поддержку в ссылке, обещал выслать денег на побег.

Шестеро из нас, сормовцев, были сосланы в Восточную Сибирь навечно с лишением всех прав состояния. Каждому за первый побег грозило 25 лет в 6 лет каторги, а за второй — 50 лет в 12 лет каторги.

Алексей Максимович свое слово сдержал. Он прислал мне в ссылку по 15 рублей в месяц и однажды выслал 300 рублей на побег.

Впервые я встретился с Горьким после побега из ссылки в 1905 году, на его даче в Куоккала.

Чтобы не привести шпиков, я слез с поезда на предпоследней станции и дальше пошел лесом, под дождем. Мои башмаки раскисли, брюки вымокли. Подошел к даче, я увидел во дворе высокого, крепкого, сухощавого человека. Он шел мне навстречу. Я вспомнил портрет Алексея Максимовича, узнал его и назвал себя.

Мы, старые рабочие, видевшие начало марксистского движения на фабриках и заводах, были революционными романтиками. «Песня о соколе» звучала для нас как боевая труба, вызвала слезы восторга. И вот передо мной стоял автор «Песни о соколе».

Из готовящейся Профиздатом и двадцатипятилетием Великой пролетарской революции книги «Семья Заломовых» (серия книг «Рабочая семья»).

соколе», передо мной был живой, смелый, сокол, буревирик русской революции — Максим Горький. Он обнял меня и крепко поцеловал. Потом посмотрел на меня и сказал: «Так вот вы какой».

Мы пошли с ним на дачу, в его кабинет во втором этаже, выходивший окнами к морю. Я сказал ему, что люблю «Песню о соколе» и загрожу его в бор своей грудью. Он ответил: «Я тоже загрожу вас своей грудью в бою».

Весь мокрый, я дрожал от холода. Алексей Максимович распорядился отнести мне комнату, прислал свое белье, ботинки, платье. Но больше всего согрел он меня суровой нежностью, которая нелучалась из его прекрасных глаз.

Он расспрашивал меня о моей жизни, об отце и матери, о революционной работе, о сормовской демонстрации.

Я сообщал больше сухие факты, мало говорил о своих настроениях, ничего — о своих мечтах.

Из ложного стыда я совершенно умолчал о побоях в участке и в башне нижегородской тюрьмы, о своих переживаниях.

Мне и в голову не могла прийти мысль о том, что мои рассказы, моя жизнь послужат канвой для замечательного художественного произведения, которое сыграло большую роль в революционизировании широких рабочих масс.

Алексей Максимович набросал по моим рассказам записки, но их отобрала у него полиция при обыске, и свою повесть «Мать» он написал уже по памяти.

В 1906 году Горький был в центре подготовки вооруженного восстания. Благодаря своему громадному влиянию и своим связям он собирал на революцию сотни тысяч рублей.

Последняя моя встреча с А. М. Горьким произошла в 1934 году. Я приехал в Москву для лечения склероза сердца и мозга. По просьбе Алексея Максимовича, профессора принимали меня, как приезжего, вне очереди, в заранее назначенные дни. Я решил воспользоваться случаем и с'ездить к Алексею Максимовичу в Горьки. Но он известил меня, что 19 июня приедет в Москву на чествование челяскинцев и пригласил меня к себе на Малую Никитскую к 4 часам дня. За мной был прислан

автомобиль. Приехал и за полчаса до срока.

Вскоре приехал Алексей Максимович. Вошли в столовую две внучки Алексея Максимовича — Марфа и Дарья. Алексей Максимович весело смеялся и шалил с детьми: он вскидывал правую ногу выше их голов и грозно кричал: «Вот я вас». Девочки весело смеялись.

Я подошел к Алексею Максимовичу. Мы обнялись и несколько раз крепко поцеловались. На глазах у Алексея Максимовича показались слезы. Я чувствовал, что и мои глаза наполняются слезами. А. М. Горький быстро заходил по комнате и, потирая руки, радостно повторял: «Встретились старички, встретились старички». Подали обед. Алексей Максимович обедать не стал. Потом за чаем мы сидели рядом и беседовали. Я рассказывал о том, какая громадная колхозная сила растет в деревне. Затем мы беседовали о нашей могучей коммунистической партии, о доблестной непобедимой Красной армии, о нашем великом, гениальном вожде товарище Сталине. Алексей Максимович отзывался об Иосифе Виссарионовиче с громадной любовью и уважением. Рассказывал мне о своей встрече со старым колхозником-татаринцем, о росте революционной сознательности колхозников (рассказ о татарине-колхознике был впоследствии напечатан в «Правде»).

В беседе с Горьким я, по старой привычке, все сбавлял на «ты» и наконец сказал: «Ты извини меня, Алексей Максимович, что я все сбавляю на «ты»».

Горький ответил мне: «Это хорошо. Так и надо. Это очень хорошо. Так и надо».

После чая и прощания, и Алексей Максимович просил меня передать привет моей жене Жозефине Эдуардовне. Меня тронуло такое внимание, поразило и то, что Алексей Максимович не забыл имени моей жены, хотя со времени их встречи прошло более тридцати лет.

А. М. Горький поехал в Кремль, а я пошел на Красную площадь занять свое место на трибуне около мавзолея Ленина.

Вместе с правительством, вместе с нашими вождями товарищами Сталиным на трибуне Ленинского мавзолея стояли челяскинцы, стоял и наш великий пролетарский писатель Максим Горький.

На всех лицах я видел счастье победы, видел непереломную решимость защищать прекрасную социалистическую родину. И я твердо знал, что все так же чувствуют, как и я, знал, что у каждого в сознании и сердце звучат и поют те же мысли: «Нет в мире более высокого счастья, чем борьба за коммунизм».

З. ВАСИЛЬЕВА

Из воспоминаний

Горький на писчебумажной фабрике Кувшиновых. Зима 1896—97 гг.

Горький в 18-м томе, в очерке «О вредной философии», упоминает о Николае Захаровиче Васильеве, большом оригинале, знатоке философии, химике по роду занятий и специальности. Ступенчатый Нижегородского дворянского института (куда он попал, не будучи дворянином), а впоследствии Нежинского филологического института (высшего учебного заведения), он бросил стипендию и изучение мертвых языков для страстно любимой им химии. Однако вместо того, чтобы после окончания Московского университета отдаться вполне ее изучению, ему пришлось из-за тяжелого материального положения семьи служить химиком на заводах, и лишь последний год жизни (1900—1901) он был старшим лаборантом Киевского политехникума.

Первой его службой была Каменская фабрика Кувшиновых, и туда Алексей Максимович, утомленный, замученный работой на «Восточной промышленной и художественной выставке» в Нижнем и предвещающий годом работы в «Самарской газете», приехал с Екатериной Павловной и четырехмесячным сыном Максимом.

Целью его приезда был отдых от назвавшей утомлять толпы ненужных людей, домиравшихся в его двери, возможность работать в тихом захолустье над обширными литературными замыслами, которыми он охотно делился с Н. З. Васильевым, а также надежда если не на излечение, то на ослабление неумолимого жандармского надзора. Удалось ли первые две цели — увидим дальше, относительно третьей известно, что приезд и отъезд Алексея Максимовича точно зафиксированы Теоретическим жандармским управлением, и в нем же найдено впоследствии дело о Васильеве.

Фабрика отстояла на пятидесят верст от железной дороги (г. Горьком), сама была вешеной, потому что фабричные обеды выносили глубокие ухабы; усталая и замерзшая семья Горьких добралась до фабрики в ветхую. И сейчас помню, каким живым, радостным, ярким было появление этой семьи на монотонно-сером фоне фабричной жизни. Алексей Максимович всегда любил детей; позже (в Финляндии) он говорил: «Люблю ребят по-прежнему, но отныне возится с ними». А тут он привел корабль, поднял веселую суматоху.

Общая картина Кувшиновской фабрики: стояла она в низине, болотистой, с белыми маленькими перелесками (большие леса тянулись по горизонту), безземной речонкой, огибающей фабричные стоками; она и пруды («очищенные») лишь зимой не давали отвратительных гнилостных запахов. Фабричные корпуса, конторы, склады — за высокой стеной, в воротах день и ночь сторожа, в ходу обывачьего личного обихода каждого рабочего, — все «как положается». Снаружи тянулась единственная улица поселка, грязная, унылая, с рабочими казармами, навскось прокопченными, и маленькими домками на две-три семьи: тесные занавесочки и гераны на окнах... Все скучно, убого: ни сада, ни бульвара для детей рабочих, — они гуляли по берегу гнилой речки и прудов. Ни библиотеки, ни клуба для рабочих. По булям — притупляющий труд; по праздникам — пьяная гуляб, бон.

У входа в ворота — фабричная лавка, где пролазило все: и продукты, и одежда, и вода на кухню, а забранное вычиталось конторой из получки — всем памятная бесспорная казба рабочих, да и большей части служащих. Привилегией служащих было право гулять по директорскому саду; но и там запахи реки, прудов и паров серы на тепловодном корпусе дождались и привычных людей.

В клубине фабричного двора стоял двухэтажный серый дом для служащих повышенной рангом, в нем четыре одноэтажных здания на четыре комнаты в каждой. В од-

ной на них жила семья Николая Захаровича Васильева.

Квартира делилась коридором на две половины. На одной — северной — располагались кухня, столовая и детская (у Васильева было двое детей); эти комнаты приблизительно равного среднего размера. По входу в коридор — одна комната большая, в четыре окна (три по фасаду и одно боковое) и одна комната маленькая, в одно окно. Первоначально предполагалось, что Горький целиком займет южную сторону, но когда нас за стол, вместо четверых, стало садиться восьмеро, пришлось еду устроить в большой комнате, что, конечно, очень мешало Алексею Максимовичу и загоняло всю его семью в маленькую однооконную комнату. Правда, в ту пору Алексей Максимович работал по ночам, и всю ночь горел свет в большой комнате, или слышно было, как он читал Екатерине Павловне написанное. Он отдал там в переписку рассказы «В степи» и «Варенька Олеся», а также «Фому Гордеева».

С кем встречался и чем интересовался Горький на фабрике?

Он осматривал производство. На фабрике было очень много тяжелых и вредных работ: сортировка и очистка сырья от пухов, крупок, и т. д., работа старух и подростков в сараях без окон и вентиляции, с завязанными ртами. Работали люди большими глазами, руки в стружку; работа в целлюлозном заводе, где серьезные газы вызвали легочные болезни и т. д. За этот алдкий труд платили 15 коп. в день; взрослой женщине-поденщице — 25 коп., мужчине — 40 коп. Чернорабочие были приходящими из окрестных деревень, фабричные жили в поселке, все было приделано и принижено, издалека ложились шапки перед начальством. Но где-то глубоко билась революционная струя.

Среди интеллигенции, малочисленной, были люди, знакомые с с-д течением и двое-трое из них были и членами социал-демократических организаций. По старым связям был знаком Алексей Максимович с А. Ив. Метлиным — фельдшером. Там был еще врач казенной больницы, Франц Викентьевич Абрамович с женой, Бейца Леонтия Леонтьевич — лесничий графских юсуповских угодий, братья Ожеговы — мастера фабрики. Очень быстро Горький завязал с ними не только знакомство, но и деловые отношения. Раз в неделю, а иногда и чаще они собирались под предлогом карточной игры или у Ожеговых или у механика Блеше, нейтрального и лояльного шпела, все жили в нашем же доме (кроме медпункта персонала больницы), и встречались было удобно, если бы еще об одном обстоятельстве. Финское, сыпавшееся, а потом помощник директора, не тохити дурные слухи, как об агенте охраны. Конспирация была глубокая. Думается, что рабочие кружки существовали, а Горький помогал им, но точно это установить трудно. Абрамович поправлял еще на глазах Васильевых, Бейца — умер, А. Ив. Метлина, как мне кажется, не принимала участия в нелегальной работе, а ее сестра — М. Ив. Метлина и Вас. Ив. Метлин, знакомые Алексею Максимовичу по Нижнему, в это время жили в Минске и встречать их не приходилось.

Кроме Кувшиновской фабрики ездил Алексей Максимович еще на стекольный завод. Там условия работы, оплата труда были еще тяжелее, а жизнь и быт еще непригляднее «нашей» фабрики. Для подсобных работ (вынос бутылок, банок и др.) из выдвинутой в сарай применялся исключительно детский труд, причем платили такие гроши, что бодь и приводить цифру, — чуть не ¼ коп. со ста штук; дети, метавшиеся между алдской жарой и 10—20-градусным морозом, мерли, как мухи осенью.

После таких картин мрачнело лицо Горь-

кого, он становился урюм, молчалив, барабанил, повернувшись ко всем спиной, по стеклам окна, одевался и уходил бродить в поле. Но снова вспыхивала его упорная воля, его негнбимая жажда борьбы за человеческую жизнь для народных низов, снова он принимался за работу, мысли ложились на бумагу...

На встречу нового года, не знаю по чьей инициативе, вся фабрика (служащие) собралась ехать к Бакуниным в Нижне; ехали ряжеными. Алексей Максимович оделся странником. Дом Бакуниных, похожий на многие старинные помещичьи усадьбы Тверской губернии, одноэтажный, длинный, с неоклеенными и непокрытыми стенами был полон молодежи. Горького восторженно встретили, водили его по всему дому, показывали портреты Бакунина, Герцена, Огарева, группы, редкие издания, потом увели его для отдельной беседы а кем-то из старших.

Алексей Максимович вернулся ватик и всей публике, был очень оживлен и увлекательно рассказывал об эпизодах своей бродячей жизни. Эта поездка дала ему много хороших минут. «Хорошая молодежь», твердил он, «хорошая молодежь».

Как жил Алексей Максимович на Каменской фабрике?

Размеренная, спокойная обстановка: день складывался правильно: в 8 часов, о гудком, уходил на работу Н. З. Васильев, от 9 до 10 завтракали; дети с нянями и мамами уходили гулять. 12—1 — второй завтрак; все это время Алексей Максимович или гулял, или делал после бессонной ночи, или отрывал на письма, читал газеты, журналы, новые книги. В 3—4 приходил с работы Васильев; они вдвоем принимались за уборку пыльных ящиков. Обед, любительский-тихий, часть покупали сами, часть доставляли на опороде у нашего дома, в директорском саду. И в воскресенье дни оставались с расветом, брели еще кого-то с рабочей свободой и шли с равными доушками в лес. После обеда, за которым Н. З. Васильев рассказывал о фабрике, Алексей Максимович — о новостях газетных и журнальных и т. д., все разбредалось по своим углам, а часов в 6—7 на столе появлялись традиционные самовар, приходил кто-нибудь из посторонних. Вечером Горький или читал написанное, причем всегда он был строг и требователен к себе как к автору, и переписчику приходилось переписывать некоторые места чуть не по пять раз, или рассказывал. Кто слышал Алексея Максимовича, особенно в тесном кругу друзей, — знает, какой увлекательным, непревзойденным он рассказчик. Передавать его трудно: характерны его мимика, движения рук, улыбка, глаза, голос, тихий, нижегородское оканье, а тем — всегда новое, всегда глубоко зашедшее в сознание. Н. З. Васильев был скуп на слова, реплика его была кратка, сжата. Остальные слушали, не переводя дыхания.

Иногда засаживались читать: часто — философию. Тут ворк был Н. З. Васильев, он объяснял трудные места, хорошо знал историю философии. Читая вслух Горький не любил. Из книг читали тогда ии, помню Канта, Гегеля, Спинозу. Менее трудные: «История материализма» Ланге. Тогда же отрывками переводили Ницше, только что появившийся в России, еще не переведенный. В журналы русских, а помню, интересовал Алексея Максимовича статья Пипина о сектатах — точное название не помню.

Месяца три такой жизни подправили и пополнили нервы Алексея Максимовича, но зато, по мнению врача, туберкулез его все усиленнее требовал юга. Сын Максим рос не вполне удовлетворительно: да и чувствовалось, что зовут Горького зовы широкой жизни, тянутся к нему со всех концов страны юти, и самому ему уже душно в Каменском захолустье.

Семья Заломовых

...Ей уже 88 лет. Глаза плохо видят. С трудом двигаются пальцы. Но Анна Кирилловна продолжает вязать кружева. С детства она была искусной кружевницей. В нужде и лишениях прошла ее молодость. Она рассказывает о себе: «Родилась я в 1849 году. Жили мы в рабочем местечке Кошелевка, под Нижним-Новгородом, в дряхлой избушке. Жили, как и тысячи других, очень бедно».

...С детства ничему я так не завидовала, как возможности учиться. После долгих настоятельных просьб мать показала мне буквы, с трудом научилась а читать. В доме книг не было. Редко попадалась мне в руки печатный листок, иногда лавочник завернет мыло или свечку в обрывок книги. Жадно собирала я эти жалкие обрывки, перечитывала их десятки раз».

Анна Кирилловна охотно рассказывает внукам волнующие события своей жизни. Ни на минуту не расставаясь со своей любимой работой, говорит она:

«Мой сын Петр работал слесарем на Сормовском заводе. Как узнала я, что он революционером стал, не отговаривала. Настоящий был. Крепко стоял за рабочее дело. Глядя на него, и я ему помогал».

С огромным интересом слушает Анну Кирилловну молодое поколение Заломовых.

...Еще более внимательно слушатели — внуки, правнучки Анны Кирилловны.

Анна Кирилловна говорит: «Особенно памятен 1902 год. Накануне 1 мая надо было доставить на города в Сормов красные флаги для демонстрации. Дело было нелегкое. Жандармы следили ворко. По просьбе Петра я вылась выполнить это. Обернула флаги вокруг себя, поперек себя шире стала. В поезде люди увидели меня, говорят: «ниш как толста старуха преска». Ничего, — довела до Сормова благополучно. На другой день, 1 мая, под этими флагами рабочее вышло на улицу. Знаменосцем был сын мой Петр».

На снимке: Самый молодой член семьи Заломовых, 34-е по счету, Юрий Адельсов, правнук Анны Кирилловны.

Юрию весело. Хорошо. Ясный солнечный день на дворе. Впереди у него большая, сияющая счастьем и радостью дорога в жизнь, за которую боролся его дед и прадед.

Фотоочерк иллюстрирован кадрами из документального кинофильма «Семья Заломовых». Режиссер — Н. В. Баллов. Сценарий Д. Левоневского и Г. Долинова. Производство Ленстудии «Союзкинохроника» 1932 г.

Письма из Испании

С пятым полком

Хосе Эррера Петере

Пятый полк создали не только богатую литературу о себе, о своих вождях, о героической защите Мадрида, но и восстали целое поколение молодых писателей. Когда будет написана история революционной испанской литературы за годы гражданской войны, пятому полку в ней будет отведен ряд ярких и выразительных страниц. Пятый полк — это мощная культурная организация, прошедшая огромную работу на фронте и в тылу, это — «Миллион популяр» и целая сеть батальонов и ротных газет, это — издательство, выпускающее в свет военные повести Р. Сен-Лера, стихи Р. Альберти и других поэтов народной Испании, очерки о Красной армии М. Коллово. Это — поколение молодых писателей, вышедших из рядов полка, участвовавших в его военно-просветительной работе, воспитанных им, иногда на самом месте боя.

Передо мной один из таких людей. Он — талантливый прозаик, поэт и драматург. Его имя — Хосе Эррера Петере. Его романы можно услышать в Мадриде, в Валенсии в исполнении слепых народных певцов, переданных театральными коллективами, на улице, в саду, где собирается толпа. Как-то недавно мы проходили с ним по площади Эмилио Кастеляна в Валенсии. Перед красными плакатами о революционных лозунгах мы распустили флажки, музыкальные инструменты. Почти все слышали. Они поют народные романсы — романсы слепых, о гражданской войне. Коллектив, подобно другим, входит в состав особой организации «Ретабло роко» («Красная встреча»), работающей при «Альтаво дель френте» («Громкоговоритель фронта»).

— Давайте, остановимся и послушаем, — предложил мне мой спутник, — они наверняка будут петь мои романсы.

И действительно, через несколько минут гитары заиграли брауэрный мотив. Певцы запели марш «Но пасаран», автора которого написал Петере. Скоро в певцам присоединилась толпа. «Но пасаран» пела вся площадь. Петере слушал, улыбаясь, а затем, обратясь ко мне, сказал: «Всем этим и обязан пятому полку».

Петере родился в Гвадалахаре — будущей столице итальянского фашизма, в 1909 г. Отец его — военный пилот — был одним из первых в Испании пионеров летного дела. Петере был два месяца, когда семья переселилась в Мадрид. С Мадридом связала его жизнь Петере. — Здесь он учился, спорил в колледже, а затем в университете, получил звание «доктора права». Писать начал еще в школе, но серьезно занялся литературой только в 1930—31 г., когда начал свои первые статьи в мадридской «Литературной газете». Принадлежал тогда к «сurrealism» и был основателем, редактором и, как он сам признается, «главным, если только не единственным, сотрудником» двух афористичных сюрреалистических журналов. К этому переходному периоду в его жизни относятся первые книги его рассказов «Рождения», вышла в 1933 г.).

С 1931 г. начинается сближение Петере с компартией Испании. Вскоре молодой писатель вступает в ее ряды. Связующим звеном является журнал Альберти «Октябрь» и мадридская Ассоциация революционных писателей и художников, членом которой Петере становится с первых же дней ее основания. Следует период безработицы: попытка получить кафедру, место биржевого маклера, голод.

В 1934—35 гг. во время так называемого «черного дуэлит», Петере работает в органе компартии «Эль Пуэбло», выходящем подпольно, подписывается Петуар-Кангугу. Он уже отказался от своего сюрреализма. Его стихи и проза звучат теперь бо-боем.

Гражданская война 1936 г., 5-й полк. Петере на фронте, вместе с одним из доблестных его командиров, тов. Карлосом. Вскоре ему поручают культурную работу полка. Он становится редактором его еженедельной газеты «Миллион популяр». Он ездит по фронтам, налаживает связь с воинскими и распределенными газетам. Мы видим его вместе с товарищами.

Валенсия, сентябрь 1937 г.

Провинция котатомской агитации.

Необходимые указания. «указателю»

Витиев библиографический указатель «Испанская литература», составленный А. Невзоровым и выпущенный Научно-исследовательским институтом библиографии и редиспетрической библиографии Наркома РСФСР. Цель его — «ознакомление читателей и библиографов с испанской литературой». В указателе даны очень краткие характеристики крупнейших испанских писателей и их произведений, имеющихся в русских переводах; они сопровождаются библиографическими сведениями.

В основном составитель со своей задачей справился. Однако в указателе есть недостатки, на которых надо остановиться. Прежде всего аннотации не свободны от элемента вульгарного социологизма. Говоря о Лопе де Вега, например, составитель упускает основное: то в творчестве великого драматурга утвердилось человеческое достоинство, демократизм, свободолюбие, народная гордость. Глубоко неверна оценка Кальдерона, в которой неправильно подчеркнуты исторические ограничения мотивов его драм, но оставлены без внимания их философская глубина, сила выраженных чувств, красота языка и образов, напряженность оптимистических положений — черты, заставлявшие увлекаться Кальдероном Гете, Маркса, Энгельса.

Нельзя называть его «Самым лучшим алькальды» «бывовой пьесой» — это подлинно народная драма, которая в нынешней Испании почитается произведением революционных. Не упомянут пьеса «Любовь после смерти», в которой Кальдерон оправдывает востание морисков против правящих Филиппа II. Опущена трагедия Кальдерона и утверждение составителя, что маркистской специальной критикой не решено, почему, пока нет — обнаруживают его неадекватность к очень интересной пьесе Франсиско Мерина «Самый лучший алькальды», помещенной в томе I литературно-критических статей Мерина (издание «Academia», 1934). В этой статье Мерин развивает мысль, что «есть Испания

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК

В 1918 г., через несколько месяцев после Великой пролетарской революции, вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин поставили перед нами, художниками, задачу монументальной пропаганды.

14 апреля 1918 г. был обнародован декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республике», подписанный Лениным, Сталиным и наркомом просвещения Луначарским.

«Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса с исторической, ни с художественной стороны, — говорится в этом декрете, — подлежат снятию с площадей и улиц... Совет Народных Комиссаров выражает желание, чтобы в день 1-го мая были сняты некоторые наиболее уродливые статуи и поставлены первые модели новых памятников на суд масс».

Советские скульпторы с радостью и воодушевлением принялись осуществлять идею Ленина и Сталина о создании монументальных памятников великим деятелям революции и культуры.

Лично я был автором первого портрета памятника, поставленного в Петрограде при советской власти. Это был памятник Радичеву.

В петроградских газетах появилось следующее объяснение:

«В воскресенье 22 сентября в 2 ч. дня на Дворцовой набережной (у Зимнего дворца, против Дворцового моста и Адмиралтейства) состоится согласно постановлению Совета Народных Комиссаров торжественное открытие первого агитационного памятника революционеру Радичеву работы скульптора Л. В. Шервуда».

Памятник был установлен в проломе решетки Зимнего дворца, выходящем к Мосту Революции. Открытие его вылилось в большое народное торжество. А. В. Луначарский произнес речь.

— Радичев, — говорил он, — был одним из великих людей России, проникшим в лагуны далекого будущего. Он предвидел революцию, прогностически предсказал смерть палачей в парках мантий от руки разгневанного народа... Руссо и Монтескье были вдохновителями Радичева. Сам дворянин и помещик по происхождению, он равно отделился от черной массы угнетателей и паразитов. Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» блещет до сих пор неуязвимыми достоинствами, как революционное произведение. Он обогатил нас своим бурным потоком негодования на самодержавие и его опору — помещиков, крепостничество, провозгласил, что по выходе книги возмущенные крестьяне будут отправлены к мученику Екатерине у целоватой. Екатерина хотя и кокетничала с либерализмом, но на этот раз, как копья, выпустила из бархатной ланы свои когти: книгу признала митяежкой и сама выступила в роли прокурора. Радичев был приговорен к смерти. Однако же почему-то был передолен на милость — казнь заменена ссылкой. Возвращенный из ссылки Павлом, Радичев был приглашен Александром I к «законодательной работе», к разработке «Гражданского уложения». Тут в нем пробудились опять революционные стремления вдохнуть в закон заветные идеи. И после того, как он увидел ложь и лицемерие забот тиранов об угнетенном народе, создал тишину жизни и усмий, Радичев отравился».

Вскоре А. В. Луначарский передал мне предложение Владимира Ильича Ленина отнять второй экземпляр бюста для Москвы. Предполагалось, что первый памятник будет установлен на пути, ведущем из Петрограда в Москву, а второй — при въезде в Москву. Таким образом, эти памятники должны были напоминать о знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву».

Второй экземпляр бюста Радичева и отнес в Москву лично с тем, чтобы передать его Ленину. Памятник в Москве был установлен на Тверской, вблизи Ленинградского шоссе.

Через некоторое время бури разрушила pedestal памятника в Петрограде, бюст Радичева перекочевал в музей.

Впоследствии и московский экземпляр бюста был перенесен в Центральный музей Революции.

Л. ШЕРВУД.

ЛЕНИНГРАД (Передано по телеграфу).

Текст речи приводим по газетному отчету от 24 сентября 1918 г.

на), отлетела от тебя далеко к жертвам твоих глумлений».

Недаром Екатерина, как передает современники и очевидцы, больше всего негодовала на Радичева за то, что он, почувствовав здесь личное для себя оскорбление.

Яркие, ценные личности, утверждал Радичев, находятся не в «высшем» дворянском обществе, а в народе, в крестьянстве. И в «Путешествии» выведен ряд ярких людей из народа. Их речь Радичев считал более полноценной, имеющей больше достоинства, нежели речь дворянского «салона», приспосаблившегося к структуре французского и немецкого языков.

Борьбу за народное просвещение на родном языке Радичев сделал одним из лозунгов своей широкой освободительной программы. В «Путешествии» неоднократно поднимается требование организации обучения в народной и высшей школе на родном языке: «Для чего не заведут у нас народных училищ, в которых бы преподавали науки на языке общепонятном, на языке Российском... как же постигнуть, что у нас нет училищ, где бы науки преподавались на языке народном» (глава «Подберезье»).

Это был вызов дворянскому преклонению перед «иностранщиной», игнорированию народных языков. Это была линия борьбы Радичева с господствующими взглядами дворянской литературы.

Радичев — один из глубоко народных писателей своего века. Он учился много лет в Лейпцигском университете, но произведениями лучших представителей передовой в то время буржуазной философской и политической науки, но это не помешало ему понять русскую действительность так, как только мог понять ее русский человек, которому близки и дороги судьбы его родины, участь подпольного, стонущего под тираническим игом царя и помещиков, народа.

Писать правду, реалистически изображать тогдашнюю мерзкую российскую действительность означало для Радичева — бороться с мерзостями феодально-крепостнического строя, за изменение этого строя, за свободу и благополучие народа, это был реализм не созерцательный, а действительно-критический. Радичев был одним из предшественников критического реализма, и в этом его великая заслуга.

Д. ЛЕХТБАУ.

А. Н. РАДИЩЕВ

(К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

Запретное имя

Ровно через год после первого удара по королевской короне Франции Радичев печатал в собственной типографии свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Это был 1790 год. Бастия еще дымилась после штурма восставшего народа. Екатерина II от тяжелых предчувствий заболела бессонницей и недоумевала, как это «Путешествие» могла пропустить такое сочинение, как «Путешествие» Радичева, где содержались «самые предельные умоствования», направленные против сава и власти царской. Раздраженная и возмущенная, она готовила габель своему «заблудившемуся чиновнику», осмелившемуся бросить вызов всему строю, всей ее «философии на троне». Радичев был упрям и в Петербургскую крепость, приговорен к смерти и в конце концов сослан в Илимский острог. Репрессии против всего «французского» приняла грандиозные размеры. Екатерина неистовствовала и в своем указе запретила ездить по Франции, ввозить оттуда журналы и книги и «выпускать как сумку путем, так и водою в империю нашу за границу французскую».

Но в то время как Радичев томился в ссылке, его 600 экземпляров книга «Путешествие из Петербурга в Москву» разошлась по рукам, перепродавалась из-под полы за баснословные цены (на своем экземпляре Пушкин сделал надпись: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии. Запачтен левыми рублями») и читался наизусть. В «Оде на волюность», вошедшей в книгу Радичева, волюность была названа:

О, дар небес благословенный,
Источник вост великих дел!
О, волюность, волюность, дар бесценный!

Да смутится
От гласа твоего царь!

Воспоминания князя Карла Стюарта I, Радичев обобщает исторический акт революционного народа до степени грозного предупреждения всем тиранам...

Парь,
На громком троне, властно севши,
В народе зреть лишь подлую тварь...

Но — стрелецки, смейтеся иди, прорча-
щая волюность».

Ликуйте, селянские народы!
Се право мщенье правды
На плаху воззело царя.

Екатерина верно заметила в своей «спиритической» оде: «Она совершенно ясно будущая, где царям грозится плах». Радичев был в глазах императрицы «первым повстанцем» Французской революции в России. В своем «Путешествии» Радичев впервые в истории русской публицистики открыл мысль радикально ставил вопрос о крепостном праве, о провозглашении самодержавной власти и о бесчеловечности помещиков и чиновников. Ни русские сатирические бытовые зарисовки Новикова, ни драматические картины Фонвизина, ни выходящие антидворянские выпады Вольтера и Руссо не возвышались до тех пределов смелой и сильной мысли, каких достиг Радичев в своих очерках.

Он говорил всем в упор: «Странник, помещик жестокосердечен, на челе каждого из твоих крестьян вижу твою осужденность... читаем мы в главе «Любаны». В главе «Зайцево» рассказана потрясающая история о помещиком-иставеле, которого вышедшие на терзание крестьяне «убили до смерти». Весь рассказ автор замыкает характеристикой для него коловской: «Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математиче-
ской ясностью». В «Пешках» Радичев рассказывает о быте крестьян. Одна крестьянка показала, какой она печет. «Он состоит из трех четвертей илмы и одной части осенней муки». И при этом добавляла: «Да и то слава богу, при нынешних неурожаях. У многих соседей наших и того хуже... Ребята мрут. Мрут и взрослые».

Картины крепостного права, набросанные Радичевым, произвели на современников потрясающее впечатление. И лишь беспощадная расправа с автором заставила многих молчать и таиться. Имя Радичева стало страшным. Его боялись произнести вплоть до шестидесятых годов. В Пушкинскую пору о нем говорили в тайных кружках, да и то шопотом. Но с этим именем соотелось пушкинское «дум высокое стремление, Нелегальные стихи нашего поэта в поэтах первого», — равно как и строки Радичева, «стали все же достоянием широких кругов, мятаясь вольнолюбивых эпох. Их читали, и никакие цензурные тиски не в состоянии были задушить голос великого Радичева и великого Пушкина».

О Радичеве нельзя было говорить в течение ста лет. Его сочинения были запрещены, и переиздание их стало возможно только с 1905 года. До этого времени (если не считать ста экземпляров, напечатанных Суворовым в 1888 г. и представивших точную копию издания 1790 г.) Радичев не печатался в России.

Тем не менее оценка, которую давал Радичев эпохе социалистической революции. Автор «Путешествия» был первым в России писателем, который уже сошел с пути мелких разоблачений жизни и в своей книге обосновал неминучесть и неизбежность радикальных изменений всего строя России. Это был человек с огромным ощущением жизни, с огромным реалистическим восприятием ее, с правдивым наблюдением ее, исполненным высокого гражданского чувства, лучше всего характеризующего его личность. Не то «малодушие», которое проявлялось в нем в годы ссылки, типично для него. Нечеловеческая тревога за жизнь всего русского народа, за его поправление, правдолюбивая вездесущность и чуткость писателя, так оскорбленного своими казачьими соотечественниками, которых он в душе презирал, — вот что типично для Радичева.

Развязка, трагический конец его бурной и смутной жизни, омертвевшей самоубийством, свидетельствует о том, что он не мог перенести всех безмерных испытаний «судьбы». Он был одной из первых жертв того строя, против которого поднял свой неотразимый меч осуждения. За ним последовали декабристы, Пушкин, Лермонтов, Пастернак...

Знакомство Радичева можно найти не только в просветительско-идеалистических чертах. Он еще в юности, до, со времени окончания «политического и гражданского наук» в Лейпциге, витал в себя лучшие идеи таких философов, как Вольтер, Руссо и др. Но вместе с тем его политический радикализм представлял собой наивнейшее выражение материалистической мысли его эпохи. В основных своих взглядах и оценке действительности он следовал не за Руссо, не за Лейбницем, а за Гельвецием. Это находило себе блестящее подтверждение во всех главах его «Путешествия из Петербурга в Москву», где дана обобщенная, до мелочей и тонкостей реальная картина разложения помещичьей России, где заложено до Салтыкова-Щедрина разоблачено было царство будущих Разуваевых и Деруновых.

Ник. АРДЕНС

А. Н. Радичев. С гравюры Вендранна.

тив зверской эксплуатации крестьян помещиками.

В главе «Любаны» Радичев приводит объяснение крестьянина, почему он вынужден пахать свой клочок земли по ночам и в воскресенье: «Мы шесть раз в неделю ходим на барщину, да под вечерок возом оставшее в лесу сено на господский двор... а бабы и девки для прокулаки ходят по дворишкам в лес по грибам да по ягодам». В главе «Зайцево» описан помещик, который превратил своих крепостных в рабов, «отнял у них всю землю, скотину у них купил по цене, какую сам определил, заставлял работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе и то по одному разу в день, а иным давая на милость медячку». Аналогичный случай описан в главе «Вышний-Волочек».

Крайне возмущен был Радичев торговлей крестьянами, этим гнуснейшим элементом крепостничества. Правительство Екатерины ничем почти не ограничивало спекулятивного произвола помещиков. Правда, в 1776 году было запрещено во время рекрутских наборов совершать купчую на крестьян. Но вскоре было разрешено продавать в это время детей и стариков. Радичев требует во имя элементарнейших прав человека и гражданина немедленного пресечения этих преступлений. Этому посвящена глава «Медное», где до деталей описан «рабский аукцион». В главе «Городище» описан типичный случай продажи

и перепродажи крепостных в рекруты. Автор видит трех скрюченных «крепчайшими железам» несчастных, убитых горем молодых крестьян, разлученных со своими родными и близкими. Они проданы помещику, так как ему «важнодобылись деньги на новую карету». (Полобный факт послужил сюжетом и для комедии Княжнина «Несчастие от кареты»).

Вполне реален рассказ присяжного (в главе «Спасская Полесь») о государственном наместнике, чревоугоднике, который питал чрезмерную слабость к устрицам. Нередко этот посылался на казенные деньги на специальные курьеры за много сотен везет. Радичев этот рассказ переделал и включил в «Путешествие» после цензуры. Иначе и нельзя было, так как под государственным вестником довольно прозрачно выведен всесильный фаворит Екатерины Потекин. Его же имел в виду Радичев во сне царя (в той же главе): «военноначальник, посланный на завоевание, устал в роскоши и веселии».

Символический сон Радичева в главе «Спасская Полесь» рисует атмосферу лести и низкокочности, ханжества и продажности, царившую вокруг Екатерины. Радичев имел широкую возможность изучать придворные нравы во время пребывания в Пажеском корпусе с 1764 по 1768 г. И он пишет: «Властитель мира, если, читая со мной, ты улыбаешься о наемнике или нахмуришься чело, веляя, что виденная мною страница (т. е. мсти-

1749 г.
20 (31) VIII1802 г.
11 (23) IX

ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Появление революционной книги Радичева — «Путешествие из Петербурга в Москву» и ее громкий успех чрезвычайно встревожили Екатерину и правящие дворянские круги. Против Радичева было немедленно возбуждено уголовное дело. Следователем назначен был придворный палач, свирепый клумбозец Шешковский. Этот «духовник», как его называли, пользовался особым доверием Екатерины и вел «франсы» по важнейшим политическим делам. Но как в деле Радичева должен был поступать палач, если сама императрица в «Замечаниях» на «Путешествие», делая на основу следствия, прямо приказала читать автора, если он не сознается в своих преступлениях. «Считать ему», — писала она, — «что он написал сам, или он говорит, что правда (!) любит, как дело было; или же не напишет правду, тогда принудит меня сыскать доказательства и дело его заделает дурное прежнее».

«Вопросные пункты» Шешковского Радичеву мало в чем уклоняются от пунктов «Замечаний» императрицы. Но, очевидно, во время следствия Радичев ставил еще особые вопросы. Ниже мы приводим любопытный документ, свидетельствующий о тех методах, какими трусливая царедворская группа старалась обвинение против Радичева. Так, например, Шешковский пытался выяснить, не имел ли целью Радичев книгой пронаести французскую революцию. Приводим полностью сохранившийся в следственных материалах по делу Радичева протокол допроса от 17 июля (ст. ст.) 1790 г. Этот документ вообще характерен для «стали», в каком виде следствие палача Шешковского.

«1790 года, июля 17 дня, господин Радичев спрошен был: к Кутузову (масон, друг Радичева, которому посвящено «Путешествие») в чужие края с каковым намерением послал известную книгу? На что он отвечал, что это книгу послал он к нему по давней с ним дружбе, ибо с малолетства они жили, служили и учились вместе, почему они были между собой хорошие друзья, а сие-то самое и поудило его помянуть для него пагубную книгу к нему отослать, да сказать, что сия книга необразит, каково он может оспорить писать. Впрочем, он никакого с ним согласия в сочинении той книги не имел, а единственно в деликатности на имя его сделал ей за хвастовство, ибо он тогда таким безумием был облит, что казалось ему, что сия книга наилучшего есть сочинения... Печать же оную книгу нигде в чужих краях намерения не имел, а к Кутузову, как выше его сказал, для прочтения послал. К кому же Кутузов послал он книжку своего сочинения под названием: «Письмо к другу, живущему в Тобольске», которая также писана им была в обличье им тогда беснуна. Не может он того отрицать, что оно не казало произведением французскую революцию, но однако ж, по чистой совести своей, как явиться на странный суд божий, уверяет, что он сего злого намерения не имел, а писал мыслями и штилем известного Ренянда, в чем и признает себя виновным. К сему показанию Александр Николаев сын Радичев руку приложил».

Не менее любопытен и другой документ. Следствие и суд нужно было во что бы то стало установить сообщников Радичева. Так как это не удалось, то в последнюю минуту члены уголовной палаты придрались к различию почерка правок корректурного экземпляра «Путешествия», что как бы служило доказательством коллективной работы нескольких лиц. Как известно, Радичев категорически отрицал свое старательное написанием некоторых слов, «дабы наборщик не мог опиниться». Это разяснение мало убедило «судей» Радичева. В день суда, почти перед вынесением приговора, члены палаты занялись графологическими изысканиями, заставив Радичева написать ряд слов и даже букв, внесенных им в корректурный экземпляр книги. Но и эти «наисказания» не дали никаких результатов. В деле Радичева сохранился отдельный лист с этими записями.

«Путешествие» Радичева глубоко реалистично. Это почти хроникальное произведение. В основу большинства рассказов положены доподлинно имевшие место происшествия и события. Даже под страхом жестоких репрессий Радичев не побоялся подчеркнуть правдивость своего произведения. В писем-товарищеской на имя Екатерины из тюрьмы, объясняя возникновение книги, он пишет, что при составлении ее «на мысль мне пришли многие случаи, в которых я слышал, и дабы немного погрешить, а вознамерился их поместить в книгу свою».

Насколько факты преступных деяний дворянства и бюрократической администрации, описанные Радичевым, соответствовали действительности, красноречиво свидетельствуют замечания самой Екатерины на «Путешествие».

Так, в замечании к стр. 79 «Путешествия», в том месте главы «Спасская Полесь», где во сне Радичева царь видит свои «сгорабы назначенные да преидут дальнейшие моря... плавающих только при устье пристанища», а начальники их пограбят в рабство, Екатерина пишет: «Не о Чичагове по крайней мере говорит?» Возможно, что Радичев действительно имел в виду этого екатерининского адмирала.

В замечании к стр. 108, в главе «Новгород», где описаны злоупотребления и мошенничества в связи с существованием тогда всекельмим правом купцов и ростовщиков, Екатерина пишет: «Знаете ли вы подробностей купеческих обманов, того у тамошних легко приглядеть можно?»

В замечании к стр. 218, в главе «Едорово», где упоминается об одном помещике, наиславшем 60 душек, Екатерина пишет: «Едва ли не история Александра Васильевича Сантыкова?» В «Путешествии» Радичев и сам указывает: «Помест сие не лишнее».

Особенно резко Радичев выступал против

Материалы для истории дела Радичева. А. Н. Радичев. Полное собрание сочинений под ред. В. В. Каллаша. Москва, 1907 г., стр. 557.

Там же, стр. 558.

Там же, стр. 561.

Реализм Радичева

«Путешествие» Радичева глубоко реалистично. Это почти хроникальное произведение. В основу большинства рассказов положены доподлинно имевшие место происшествия и события. Даже под страхом жестоких репрессий Радичев не побоялся подчеркнуть правдивость своего произведения. В писем-товарищеской на имя Екатерины из тюрьмы, объясняя возникновение книги, он пишет, что при составлении ее «на мысль мне пришли многие случаи, в которых я слышал, и дабы немного погрешить, а вознамерился их поместить в книгу свою».

Насколько факты преступных деяний дворянства и бюрократической администрации, описанные Радичевым, соответствовали действительности, красноречиво свидетельствуют замечания самой Екатерины на «Путешествие».

Так, в замечании к стр. 79 «Путешествия», в том месте главы «Спасская Полесь», где во сне Радичева царь видит свои «сгорабы назначенные да преидут дальнейшие моря... плавающих только при устье пристанища», а начальники их пограбят в рабство, Екатерина пишет: «Не о Чичагове по крайней мере говорит?» Возможно, что Радичев действительно имел в виду этого екатерининского адмирала.

В замечании к стр. 108, в главе «Новгород», где описаны злоупотребления и мошенничества в связи с существованием тогда всекельмим правом купцов и ростовщиков, Екатерина пишет: «Знаете ли вы подробностей купеческих обманов, того у тамошних легко приглядеть можно?»

В замечании к стр. 218, в главе «Едорово», где упоминается об одном помещике, наиславшем 60 душек, Екатерина пишет: «Едва ли не история Александра Васильевича Сантыкова?» В «Путешествии» Радичев и сам указывает: «Помест сие не лишнее».

Особенно резко Радичев выступал против

Материалы для истории дела Радичева. А. Н. Радичев. Полное собрание сочинений под ред. В. В. Каллаша. Москва, 1907 г., стр. 557.

Там же, стр. 558.

Там же, стр. 561.

Там же, стр. 561.

все более крепнущих в писателе за последние годы оптимистических настроений, показатель нарастающей веры писателя в народные массы и их конечную победу.

Навстречу 20-летию Великой
Пролетарской революции

Всесоюзное совещание редакторов журналов и издательств

27 сентября в Москве состоялось всесоюзное совещание редакторов журналов и издательств по вопросу о ходе подготовки к 20-летию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Основными докладчиками выступают тт. В. Иванов, Н. Нагорных и И. Дуппо.

О докладах выступят также редакторы журналов.

К участию в совещании привлекаются, помимо редакторов московских и ленинградских

литературно-художественных журналов, и редакторы некоторых республиканских, краевых и областных журналов и альманахов.

В списке приглашенных на совещание — редакторы украинского «Литературного журнала», «Литературного Узбекистана», «Литературного Казахстана», «Литературного Азербайджана», журнала «Карелия» и литературно-художественных альманахов, издающихся в Воронеже, Архангельске, Калининске, Иванове, Ростове-на-Дону, Куйбышеве и Смоленске.

У московских драматургов

Вопрос секции драматургов ССП СССР утвержден план работ на ближайшие два месяца.

Первый раздел этого плана содержит мероприятия, связанные с подготовкой к двадцатилетию Великой Пролетарской революции.

Секция ставит своей задачей организовать в ближайшие дни несколько вечеров, посвященных советской драматургии.

Перед юбилейными днями будут устроены чтения двух лучших пьес из юбилейного репертуара и двух киноспектаклей, а также чтецы пьес, проминованных на конкурс самодеятельного репертуара.

Этот конкурс, объявленный в свое время секцией драматургов, закончился прижиз-

нием трех премий. Пьесы, достойные первой премии, не оказалось. Вторая премия присуждена А. Д. Симухину за пьесу «Восточный Забытый», третья премия — А. П. Назарову за пьесу «Моя мать» и четвертая — Г. Я. Градову за пьесу «Чей друг».

Пьесу В. Зорича «Чорт» жюри нашло возможным рекомендовать к постановке, не присуждая ей премии.

Пьеса А. Габеева «Жизнь» снята автором с конкурса.

А. Назаров читал на днях свою пьесу в секции драматургов.

Бюро секции драматургов созывает совещание с представителями театров и Всесоюзного и Московского комитетов по делам искусства для ознакомления с ходом подготовки юбилейных спектаклей.

Октябрьская серия Детиздата

К двадцатилетию Великой Пролетарской революции юные читатели получат от своего издательства 13 книг.

Это книги о великих коммунистической партии, о нашей замечательной стране, о победах Красной Армии, о новых победах славной советской авиации.

В начале октября выйдет первая книга этой серии — «Рассказы о товарище Сталине». Из воспоминаний соратников великого вождя и лучших людей Советской страны читатели узнают о детстве и юношеских годах и о великих делах товарища Сталина.

Знакомая уже ребятам книга А. И. Ульяновой «Детские годы Ильича» выйдет в новом, улучшенном издании.

Специально для малышей готовится фотокнига о Ленине — о детских лет до последних дней его жизни. Книга составлена по материалам Музея Ленина.

«Чапаев» Дм. Фурманова выйдет в том же хорошем издании, в котором он был выпущен около года назад.

О Чорре написана для детей книга Е. Герасимов и М. Эрлих.

С Буаменом юные читатели познакомиться по книге С. Мотиланского «Грех — это веселая игра».

Новая, только что оконченная В. Катаевым книга «Я — сын трудового народа» посвящена периоду конца империалистиче-

ской и начала гражданской войны на Украине.

Периоду гражданской войны посвящен детиздательский сборник «Боевые годы», выпускаемый для младшего возраста. В нем собраны лучшие рассказы и рассказы из произведений писателей: «Метелица» А. Фадеева, «Красный десант» Д. Фурманова, «Дюк» Н. Островского, «Сов» В. Катаева, «Черный остров» К. Паустовского, «Красный бакин» С. Григорьева, «В бухте» А. Новикова-Прибоя и «Пакет» Панфилова. Книга будет издана в хорошем оформлении с иллюстрациями художника А. Ермолаева. Ее объем — 16 печатных листов.

О завоевании Северного полюса дети прочтут в книге В. Визинского «Шестнадцатый день на полюсе», богато иллюстрированной фотокнижкой.

В книжке «Оборона» С. Михалков рассказывает о великом героизме и всех видах оружия. Иллюстрации — П. Я. Карпиничев.

Книжка-картинка о манерах Красной Армии будет сделана художником В. Курдюмовым.

В улучшенном издании будет выпущена книга А. Барто «На заставе».

Интересным изданием является альманах «Детям», составленный из лучших образцов русской и национальной детской литературы.

Социалистическая родина в рисунках юных художников

На белом коне, в черной пашахе, с обнаженной пашкой несет вперед отряда бесстрашный Чапаев... Вот он на фоне красных знамен ведет в бой своих верных соратников...

Лена Братченко из Чернигова, Юра Поллакский из Вышнего Волочка, Котарский и другие ребята посвящают Чапаеву свои работы, присланные на конкурс рисунков и литературных произведений, объявленный ЦК ВЛКСМ и Музеем Ленина в связи с двадцатой годовщиной Октября.

Около двух тысяч рисунков и акварелей получила Центральная дом художественного воспитания детей РСФСР им. А. С. Бубнова на этот конкурс.

Гражданская война, охрана наших границ, война в Испании — вот героические темы многих детских рисунков.

Другая часть их посвящена мирному строительству Советского Союза.

Колхозная деревня, ярмарочные гигантские тыквы, Корзинки, полные только что

собранных винограда. Фруктовые деревья, гущи под тяжестью зрелых плодов... Можно подумать, что авторам этих рисунков, разработанных в различных уголках страны, была дана общая тема — «Мирное». Природные богатства, плодородие, занятость жизни — такова в изображении юных художников советская деревня.

Статья Сталинской Конституции о праве на труд и праве на отдых также богато отражена в присланных детских работах. Аэроп, тонистые парки, спокойные воды реки, рыбная ловля, веселое купанье — все это ярко изображено на рисунках, посвященных отдыху советских ребят.

Самые насыщенные по композиции и краскам — рисунки, изображающие праздники нашей родины.

Среди юных художников много неосомненно одаренных детей. Лучшие из их работ достойны быть показанными на специальной выставке.

Прем рисунков на конкурс продолжается до 15 октября. После этого будет произведен окончательный отбор наиболее интересных работ для выставок.

Новая книга о Кирове

«С. М. Киров в сибирском подполье в 1904—1906 годах» — так называется выпускаемая Западносибирским издательством книга о славном соратнике Ленина — Сталина, товарище С. Кирова.

В книге даны воспоминания близких Кирову людей и представлены исторические документы, характеризующие роль Сергея Мироновича в революционном движении Сибири.

«Против тьмы»

Издательство «Искусство» выпускает большой антирелигиозный сборник «Против тьмы». В нем читатель найдет сатирические антирелигиозные повести Боккаччо, Шарля де Костера, Я. Хашека и др., стихи Гете, Пушкина, Гейне, Беранже, Демьяна Белого, Маяковского, рассказы Гюго, Горького, Серафимовича, Зошенко и др.

В сборник вошло свыше 50 антирелигиозных произведений.

На секретариате ССП СССР

Состоявшееся вчера заседание секретариата Союза советских писателей было в значительной своей части посвящено рассмотрению внесенного Смоленской организацией вопроса о дальнейшем пребывании в рядах Союза писателя Марьенкова.

Общественный интерес этого дела заключается главным образом в том, что оно вскрывает крайнюю слабость воспитательной работы ССП с молодыми писателями, и то, как ленью пользуются этим обстоятельством враги народа для протаскивания в литературу чуждых влияний.

Марьенков принадлежит к группе молодых смоленских писателей, которую взял под свое влияние смоленский «наместник» Авербах — критик Македон (см. статьи И. Жига «Что было в Смоленском отделении Союза писателей» в № 49 «Литературной газеты»).

И вот годами, на глазах смоленской организации, Марьенков вел богемную жизнь, разлагался в моральном и бытовом отношении и совершенно не работал над повышением своего крайне низкого культурного и идейно-политического уровня.

Этим пользуется враг Македон, который приобретает к рукам морально и политически неустойчивого писателя, призывает его чувства негражданского гения, захваливает, как особые художественные достижения, именно те страницы его писаний, в которых сказываются враждебные влияния.

Ярким светом была освещена фигура писателя Марьенкова, когда на вопрос т. Ставского — какие произведения Ленина ему известны, он вынужден был признать, что сочинения Ленина не читал.

Этот позорнейший факт советского писателя секретариат решил сделать достоянием широкой писательской общественности.

Смоленская организация допускает, однако, возможность исправления Марьенкова и просит сохранить его в рядах Союза, сделав ему последнее предупреждение. Но сам Марьенков своими неискренними объяснениями на секретариате не подтвердил этого убеждения смоленской организации.

Секретариат, установив в поведении Марьенкова новые факты, несомненные с званием советского писателя, отложил решение вопроса о дальнейшем его пребывании в рядах Союза до выяснения всех подробностей.

Решение секретариата представляется непонятным и странным: в его распоряжении были все необходимые данные для изгнания Марьенкова из ССП.

Секретариат рассмотрел разработанное правлением Литфонда новое положение о порядке оказания материально-бытовой помощи членам Литературного фонда (см. № 48 «Литературной газеты»).

Секретариат в принципе согласился с решением правления Литфонда о введении в действие нового положения, базирующегося на принципах социального страхования и преимущественного обслуживания членов Союза советских писателей.

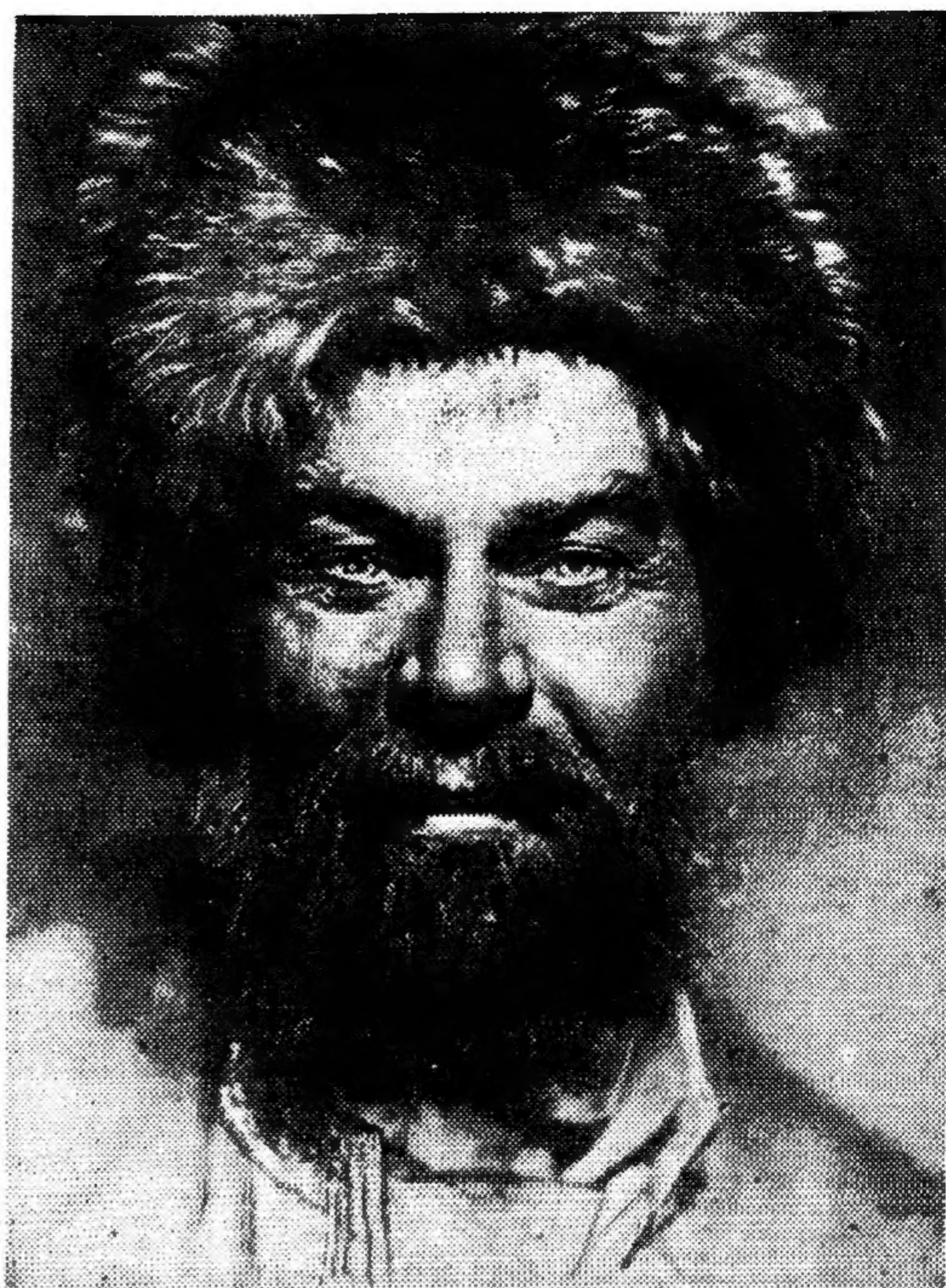
Но, принимая во внимание интерес к этому положению со стороны всех членов Союза, секретариат решил внести его на рассмотрение президиума Союза на заседании 26 октября, предварительно разослав положение всем членам правления и местным организациям.

Секретариат решил в ближайшие дни созвать общесоюзное собрание писателей, посвященное обсуждению вопросов подготовки и выборов в Верховный Совет Союза ССР.

Беспечный редактор

Многотиражная газета «Серп и молот» — «Мартовка» допустила в номере от 10 сентября серьезную политическую ошибку.

Давая в номере специальную страницу о творчестве Шота Руставели, «Мартовка» не нашла ничего лучшего, как использовать для передовой статьи о гениальном поэте выступление злобного врага народа. За последнее время на страницах советской печати появилось достаточно много интересных материалов о творчестве Руставели. Что же толкнуло редактора «Мартовки» т. Ю. Ильина к писаниям подлого двурушника, троцкистского предателя, гнусного наемца фашистов?

Кадр из фильма «Пугачев». Заслуженный артист республики К. В. Скоробогатов в роли Пугачева. (Производство киностудии «Ленфильм». Сценарий — О. Форш. Режиссер — П. Петров-Витов)

У карельских писателей

Три дня в карельском ССП шло собрание, посвященное разоблачению вредительской работы великофинских помещиков и буржуазных националистов в карельской литературе.

Заседание в обкоме партии враг народа Хюшениен имел своих ставленников — буржуазного националиста и троцкиста Хело-Гуттари и Сергея, возглавлявшего партийную организацию ССП.

Они занимались созданием антисоветских группировок из националистических писателей, связанных с троцкистами и националистами, выступали против создания карельского литературного языка и карельской советской литературы.

Идейным вдохновителем их был ныне разоблаченный буржуазный националист, критик Урхо Руханен. В своих литературоведческих работах он организовывал писательские группы на финском языке и ввел карельскую общественность в заблуждение, основываясь на финском языке на вымышленных фактах и морально разложившемся Савитаре Мякеля, в представителем современной пролетарской финской литературы — фашиста Ойнонен. Махровый националист Оскар Югансон и другие в своих произведениях восхваляли лакеев финской буржуазии, финскую социал-демократию, нелепые разоблачения врагов народа, пропагандировали национальную ограниченность и отрыв от Советского Союза и проводили национальную рознь.

ССП Карелии исключил из своих рядов буржуазных националистов, И. Хело-Гуттари, Урхо Руханена, Оскара Югансона, Хильду Тийля. Кроме того, из ССП еще летом исключили, как буржуазных националистов, писатели Эмил Виртанен и Эмил Ратиниен.

Собрание карельских писателей признало, что руководство ССП и писательская организация в целом, всерьезная националистам, оказались на поводу у буржуазных националистов и врагов народа, пытавшихся использовать Союз писателей в своих гнусных целях.

Писательской организации Карелии предстоит большая работа по дальнейшему выкорчевыванию остатков буржуазного национализма в карельской литературе и по ликвидации последствий шпионско-вредительской работы.

ЯЛМАРИ ВИРТАНЕН.
ПЕТРОЗАВОДСК. (По телеграфу)

Первая встреча

16 сентября в ССП состоялась встреча руководства Гослитиздата с работниками книжного прилавка и библиотеки.

Целью встречи было, как сообщалось в повестке, обсуждение проекта плана издания художественной литературы в 1939 году. Осуществления такого полезного начинания, Гослитиздат не сумел, однако, освободиться от своей бюрократической инерции. Лидеры пригласили — да и с периферии, — а вот разослать их предварительно проекты плана не удалось. Что достаточно будет т. Нарковому скорострельно зачитать план, и языки развешены, обсуждение примет развешенный характер.

Рассвет эти не оправдались. Немногое приняла участие в приезд, да и те вынуждены были скомкать свои выступления, так как трудно дать обстоятельную оценку планам, о которых приходится судить «на слух».

Одним из основных недостатков, по общему мнению, является очевидное стремление Гослитиздата к расширению ассортимента за счет тиражей выпускаемой продукции. Такая практика ничего, кроме раздражения, у читательской массы не вызывает. Не целесообразно ли было бы уменьшить количество названий, поменьше выпускать книг, спрос на которые не так уж велик, а то и вовсе отсутствует, и повысить тиражи изданий, в которых ощущается острая нужда?

Так ли уж необходимо, спрашивает представитель библиотечного коллектора, переиздавать «Дорогу на океан» Леонова, книгу, которая неподвижно стоит на полке? Стоит ли повторять четвертым изданием такую вещь, как «Наследник» Сталина или «Русь» Пантелеймонова Романова?

Особенно недопустим параллелизм, существующий в работе издательства. Нередко и Гослитиздат и «Советский писатель» вы-

пускают одни и те же книги, художественное значение которых весьма сомнительно.

В результате — жалуются библиотечные работники, — получается «перепроизводство» стихов, но мало подлинной поэзии. В то же время нет массового, общедоступного издания Маяковского. Выпущенные до сих пор издания великого поэта революции далеко не всегда по полному рядуому читателя.

Все выступавшие отмечали чрезмерное увеличение Гослитиздата «полными собраниями сочинений»; гораздо уместнее было бы выпустить большими тиражами отдельные, основные произведения классиков. Ведь в этом смысле приходится констатировать настоящий кризис, особенно остро переживаемый школьным читателем. Последний не может найти в книжных магазинах так таких произведений, как «Горе от ума», «Обломов», «Ревизор» и т. п.

Совершенно игнорирует Гослитиздат интересы малограмотного читателя. Если для него и выпускаются дешевые книжки, то на такой бумаге и в таком отвратительном оформлении, что их никому и в руки брать не хочется.

Пора покончить с такой практикой, свидетельствующей о неуважении издательства к огромному контингенту читателей. Точно так же необходимо ликвидировать и ряд иных «шпионских» традиций, например, растягивание выпуска «полных собраний сочинений» на долгие годы. Помимо всего, такая система работы приводит к тому, что многие покупатели не успевают приобрести все произведения того или иного классика.

Следует надеяться, что руководство Гослитиздата сумеет извлечь из указаний библиотечной и работников книжного прилавка немало полезного для себя.

Т. МАР.

Литературная жизнь на московских заводах

С 1 сентября по 25 октября на заводе «Динамо» им. Кирова проводится конкурс на лучшее стихотворение, рассказ, очерк или критическую статью. Конкурс должен выявить к XX годовщине Великой Пролетарской революции литературные силы завода, показать культурный рост рабочих.

Для авторов лучших произведений установлено три премии — в 500, 300 и 200 рублей.

Служащий В. Позвизин работает над очерком о рабочих завода «Динамо», погибших в революционных боях. Рабочий литейного цеха М. Новиков пишет критическую статью о четырех книгах «Брусково» Панферова.

В цехах завода решено провести 35 бесед на тему «20 лет пролетарской литературы» и 60 художественных чтений.

В библиотеке устраивается большая выставка литературы, на которой будут представлены лучшие книги советских писателей. В помощь пропагандистской библиотеке завода составляется список художественной литературы.

В дни двадцатилетия Великой Пролетарской революции на заводе будет проведен большой литературный вечер.

В библиотеке завода «Серп и молот» ведется большая работа по научению истории литературы. Здесь на прилавке лежат рекомендательные списки по истории западноевропейской и русской литературы.

Браковщик сталепрокатного цеха Е. Игнатьев, кончая заводский металлургический техникум, прочла в этом году «Отелло», «Ромео и Джульетта» Шекспира, «Коварство и любовь» Шиллера, «Фауст» Гете, «Госпожа Бовари» Флобера, «Красное и черное», «Парижский монах» Стендаля, «Евгения Гранде» Вальза, «Детство», «Записки» Э. Золя, «Дом и сын» Диккенса, «Жан Кристоф» и «Очарованная душа» Ромэн Роллана и др.

Монтер прокатного цеха С. Реинченко интересуется главным образом современной испанской литературой.

Большой любовью среди рабочих-читателей пользуются произведения М. Горького. Моторист паровозного цеха П. Бугров, читая книги русских классиков, остановился на изучении творчества Горького. За 1936—1937 г. он прочел около 20 томов произведений великого пролетарского писателя.

Обдувательщик фасонилейного цеха А. Лушко также изучает творчество М. Горького. За последние три месяца он прочел несколько томов его произведений.

Заводской литературный кружок собирает старые и новые песни рабочих, которые дадут яркую картину великих достижений Пролетарской революции. Заводский ТРАМ ставит пьесу «Сталевары», написанную по материалам завода «Серп и молот».

Покровитель врагов

Удмуртская комсомольская газета «Бити большевик» еще в конце этого года сообщила, что уполномоченный Литфонда СССР по Удмуртии А. С. Бутонин на все четыре стороны разбазаривает деньги, выделенные для помощи удмуртским писателям. Однако своевременный сигнал газеты так и остался «гласом вопиющего в пустыню».

Отчет за первое полугодие, присланный уполномоченным в правление Литфонда, был тихим и мирно подшит в папку, между тем как в этом отчете есть весьма подзвучивающие цифры, нуждающиеся в немедленной проверке.

Из докладной записки, приложенной к отчету, мы узнаем, что Бутонин выдал «шпионству» Г. Медведеву возвратную сумму в 6000 р. на постройку дома. Спустя некоторое время Медведев был разоблачен как отъявленный троцкист. Не долго думая, уполномоченный сжег аварию Литфонда и том, что дом, построенный Медведевым, через суд будет передан Союзу писателей Удмуртии.

Отому же Медведеву выдавались также и безвозвратные суммы. Щедрость, о которой А. С. Бутонин отпустил деньги врагу народа, поистине велика, ибо на всех удмуртских писателей в этом году было всего отпущено Литфондом 12000 рублей.

Игнорируя нужды настоящих писателей Удмуртии, Бутонин раздавал деньги окололитературным молодчикам, которые за полтора года выпрашивали у него около 8000 рублей, в то время как члены и кандидаты Союза получили только четыре с половиной тысячи.

Некий И. Кропоткин, исполняющий при уполномоченном роль счетовода, взял сумму в 1575 рублей, хотя в союзе писателей он не состоит и творческое лицо его никому неведомо.

Свои антисоветские поступки А. С. Бутонин пытается оправдать в той же докладной записке. Возвращая в Литфонд часть неиспользованных путевок на курорты, он заявляет, что в Удмуртии «писатели советские, достойные получения путевок, оказались меньше, чем мы раньше думали».

Это явная клевета. По мнению уполномоченного, в Удмуртии имеется всего только три писателя, достойных награждения бесплатными путевками. (Из пяти реализованных их путевок две попали в руки агитам, не состоящим в союзе).

«Критику» свою работу, Бутонин признает, что он сделал большое упущение, не наисколовшись ни копеечки на улучшение быта детей писателей.

Но кто такой сам Бутонин? Его покровительством врагам народа и сомнительным личностям наводит на серьезные размышления.

В. ТИТ.

Ансамбль

авиационной песни

При клубе имени Менжинского по инициативе ЦК Союза работников авиационности организован ансамбль авиационной песни. В него входят рабочие и служащие московских авиационных заводов, а также летчики.

В издательствах страны

★ Роман Кузнецкого «Николай Негорев» выходит в Западносибирском издательстве. Автор романа — революционный писатель, большой знаток сибирской природы и быта северных народов. В прошлом «Николай Негорев» имел шумный успех. Сейчас эта книга стала библиографической редкостью.

★ Иркутское издательство выпускает серию книг для начинающего читателя. Уже изданы: «Сказки» Салтыкова-Щедрина, «Муму» И. С. Тургенева, «Сибирские рассказы» В. Короленко, «Холостяк» Л. Толстого, «Стан и песни» А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Некрасова. Печатаются «в явля» М. Горького.

Книги издаются большим форматом, шрифтом крупным.

★ Роман Николая Островского «Рожденные бурей» выходит массовыми тиражами в Ярославском, Омском, Северном, Дальневосточном и других краевых и областных издательствах.

Сотни читателей шлют в эти издательства письма с просьбой переиздать роман «Как закалялась сталь».

25 сентября— заседание президиума ССП

25 сентября состоится очередное заседание президиума правления Союза советских писателей совместно с активом. На повестке дня: доклад секции поэтов о песенном жанре; доклад о работе Вечернего литературного института и доклад ревизионной комиссии Союза, обследовавшей институт; информация иностранной комиссии Союза и ее работе.

Кроме того, на заседании президиума состоится прием новых членов и кандидатов Союза по Москве и Ленинграду.

На это заседание президиума с периферии вызываются представители организаций Украины, Белоруссии, Удмуртии, Калмыкии и немцев Поволжья.

ИЗВЕЩЕНИЕ

21 сентября в 17 час. в Союзе советских писателей состоится заседание секции критиков.

Ответственный редактор
Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное объединение.
РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Пискаревский пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва, Страстной б-ль, 14, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Пионеры-школьники (слева направо): Мария Штанга, Рая Делянова, Рая Кононова и Линда Мельдер читают рассказы А. М. Горького (колхоз «Пролетарская победа», Западный уезд, Калининская АССР) (Совзедфот)